

Кирилл Титаев

Насильственная преступность в России: жертвы и преступления

аналитический обзор

Санкт-Петербург

2019

- Т45 Титаев К.Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. – СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. – (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 2(2019)). – 16 с.

ISSN 2413-029x online

ISSN 2413-0281

Аналитический обзор содержит результаты анализа статистических карточек о преступлении и о потерпевшем в Российской Федерации. Приводятся сведения о структуре зарегистрированного тяжкого насилия в России. Для специалистов в области криминологии, социологии, юристов, экспертного сообщества.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда 17-18-01618

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие судебной реформе и утверждению принципа верховенства права в России. Направления деятельности – проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ. Деятельность института поддерживается Сбербанком, Фондом Кудрина по поддержке гражданских инициатив, Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1А,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

Настоящее издание может свободно и без получения особого разрешения правообладателя распространяться в электронном виде при условии, что копирование и/или распространение не преследует целей извлечения прибыли, сохраняется указание имен авторов и правообладателя и не модифицируется, включая конвертацию в другие форматы файлов, оригинальная электронная версия издания, которую можно загрузить с сайта – www.enforce.spb.ru.

© Коллектив авторов, 2019
© Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ | EXECUTIVE SUMMARY

В России высокий уровень насильственной смертности — по этому показателю страна существенно обгоняет страны не только Западной, но и Восточной Европы. Чтобы успешно противодействовать серьезному криминальному насилию (которое приводит к смертям или существенным травмам), необходимо понимать его структуру. Существует множество экспертных мнений и оценок этого явления, но до сих пор эмпирически фундировать их с помощью объективных данных было невозможно.

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге воспользовался информационно-аналитическим массивом статистических карточек о преступлении и о потерпевшем, чтобы получить сведения о структуре зарегистрированного тяжкого насилия в России. Массив содержит, с незначительными изъятиями, сведения обо всех зарегистрированных преступлениях в России за 2013–2014 гг. Применительно к тяжкому насилию мы можем говорить, что лишь относительно небольшая доля преступлений оказывается вне поля зрения правоохранительных органов (т. е. эти преступления обладают низкой латентностью), в том числе потому, что в процесс регистрации преступлений вовлечены медицинские учреждения. Это позволяет, с некоторыми оговорками, считать, что официальные данные о тяжелой насильственной преступности в России вполне отражают реальность.

Российская тяжкая насильственная преступность локализована в социально депривированных группах. Почти половина (48,9%) всех раскрытых преступлений — это преступления безработных против безработных. При этом доля этой категории граждан в населении — менее 4%. Более трех четвертей (77,5%) — это преступления, где и преступник, и жертва занимались физическим трудом или были безработными. Среди всех преступлений (включая нераскрытые), те, где жертвами были безработные, составляют 66,1%, рабочие — 18,2%. Среди преступников на долю безработных приходится 68,7%, рабочих — 20,2%.

В основной массе речь идет о бытовых преступлениях: девять из десяти преступлений (88,6%) совершается в жилье и рядом с ним (лифтах, подъездах, дворах). При этом чем ниже социальный статус жертвы, тем с большей вероятностью криминальная травма или смерть произойдут именно в жилом помещении. В сельской местности удельная частота насильственных преступлений выше, чем в городах, в малых городах — выше, чем в крупных.

Следует понимать, что, несмотря на важность проблемы агрессии в отношении женщин и детей, эти группы не являются основными жертвами. Вместе все несовершеннолетние и все женщины составляют 22,9% всех пострадавших. Типичная жертва серьезного насилия в России — это трудоспособный мужчина 25–49 лет: они стали жертвами 51,3% преступлений, притом что в населении эта группа составляет 18,4%.

В пользу бытового характера насильственной преступности говорит и тот факт, что более 70% от установленных преступников находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, типовое насильственное преступление происходит в жилье, в вечернее время. И преступник, и жертва — безработные или занятые физическим трудом мужчины средних лет (преступники в среднем моложе).

Все это позволяет говорить о том, что в части борьбы с серьезным криминальным насилием в России в средне- и долгосрочной перспективе на первом месте должна стоять не правоохранительная и полицейская работа, а социальная и адаптационная.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Данные и методы.....	6
Демографическая и социальная структура жертв насильственных преступлений.....	8
Место и время виктимизации	13
Приложение. Методика расчета доли социально-экономических групп в населении	15

ВВЕДЕНИЕ¹

Насильственная преступность посягает на жизнь и здоровье человека и потому является самым опасным видом противоправного поведения. В отечественной дискуссии существует множество подходов к определению насильственной преступности². Основные проблемы связаны с тем, что насилие (физическое или психическое) является частью различных преступлений: разбоев, вымогательств, наркоторговли и др. Однако для большинства этих преступлений насилие является инструментом, а не самоцелью, и преступный умысел (например, завладение чужим имуществом) может быть реализован и без насилия. Если рассматривать все эти преступления как насильственные, то в одну группу будет объединено едва ли не более половины всех преступлений, что делает такое объединение аналитически бессмысленным. Поэтому при эмпирическом анализе поведения преступника и жертвы, условий совершения преступления логичнее выделять те преступления, в которых насилие является самоцелью (убийство) или же непременным условием достижения цели (похищение человека). В данной работе рассматриваются только те преступления, где именно насилие является основным криминообразующим признаком.

Важным препятствием на пути эмпирического изучения любой преступности (и особенно в России) является специфика данных³, на которые этот анализ опирается. Официальные данные о преступности – информация, собираемая официальными органами, – часто подвергаются критике⁴. Преступность, которая не попадает в статистику, называется латентной (англ. *dark figure of crime*). Существует т. н. естественная латентность – преступления, о которых правоохранительные органы не могли узнать (граждане не сообщили или по другим объективным причинам), – и искусственная латентность (англ. *grey figure of crime*) – преступность, информация о которой была скрыта правоохранительными органами⁵. Однако не все типы преступлений имеют одинаковый уровень латентности. В некоторых случаях граждане почти всегда обращаются в правоохранительные органы, в некоторых – правоохранительные органы практически не имеют возможности избежать регистрации. Насильственная преступность в России имеет меньшую латентность в связи с тем, что в ее выявление и регистрацию вовлечены медицинские учреж-

---

¹ Данный обзор подготовлен в рамках проекта РНФ «Исследование социального контроля и мобилизации права с использованием больших данных» (грант № 17-18-01618). Эта работа не была бы выполнена, если бы не деятельная помощь всех сотрудников Института проблем правоприменения – в первую очередь Дмитрия Скугаревского, Алексея Кнорре, Владимира Кудрявцева и Руслана Кучакова. Отдельно автор признателен Ирине Четвериковой, Марии Шклярук, Екатерине Ходжаевой и Вадиму Волкову за ряд очень ценных замечаний. Это не снимает с автора и только с автора ответственности за представленные результаты. Также необходимо поблагодарить лекторий «Новая Голландия» и его посетителей, которые дали автору возможность представить и обсудить промежуточную версию этого обзора.

² Подробный обзор см.: Криминология / под ред. А. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 560–566.

³ В качестве альтернативного источника данных традиционно (см. Веркеев А., Волков В. и др. Как изучать жертв преступлений // Мониторинг общественного мнения: 2019, 2) рассматриваются виктимизационные опросы. Однако они дают явно недостаточно информации именно о тяжких насильственных преступлениях. Так, во всероссийском виктимизационном опросе, охватившем более 16,5 тысячи человек (Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты виктимизационного опроса. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2018), жертв тяжкого насилия было менее 75 человек (0,5%), что не позволяет делать статистически значимые выводы на опросных данных.

⁴ Например, Lomell H. M. The Politics of Numbers : Crime Statistics as a Source of Knowledge and a Tool of Governance // International handbook of criminology. CRC Press, 2010. P. 143–178. Разбор конкретного примера на российском материале см.: Кнорре А., Скугаревский Д. Как МВД и ФСКН борются с наркотиками. Сравнительный анализ результативности двух ведомств : аналитическая записка / под ред. М. Шклярук. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2015. 24 с. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»).

⁵ Подробнее см.: Шклярук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования : исследовательский отчет. СПб.: ИПП ЕУ СПб ; М.: Норма, 2015.

дения⁶. Поэтому объектом нашего анализа будет тяжкое насилие — наименее латентный вид преступлений в России, который, соответственно, можно изучать с опорой на официальные данные. Это не значит, что все без исключения тяжкие насильственные преступления становятся объектом полицейского учета, но уровень латентности здесь существенно меньше, чем в случае других преступлений.

Настоящий обзор опирается на данные информационно-аналитического массива о преступлениях и о потерпевших за 2013–2014 гг. Подробнее данные описаны в соответствующем разделе. Из анализа в силу специфики данных исключены преступления, в которых было более одной жертвы (менее 5% наблюдений) или по которым отсутствует информация о потерпевшем — физическом лице (0,1% наблюдений).

Существует ряд подходов к определению тяжести преступления. Мы выбрали самый простой — определяемый Уголовным кодексом (ст. 15). Тяжкие и особо тяжкие преступления — это умышленные деяния, максимальное наказание за которые превышает 5 лет лишения свободы. По факту это, преимущественно, деяния, предусмотренные ст. 105 УК (убийство) и ст. 111 УК (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Остальные преступления, связанные с насилием и не принадлежащие при этом к узкоспециальным группам (например, сексуальное насилие или корыстно-насильственные преступления), составляют незначительное меньшинство (см. таблицу 1).

Таблица 1. Структура тяжкой насильственной преступности по количеству жертв в 2013–2014 гг.

<i>Основная статья УК</i>	<i>Количество жертв</i>	<i>Доля, %</i>
111	77 357	69,9
105	30 929	28,0
Прочие ⁷	2 357	2,1
Всего	110 643	100

Источник: данные форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

В этом обзоре будет, с опорой на официальные данные, дан ответ на две группы вопросов.

- Каковы социально-демографические и социальные характеристики жертв тяжкого насилия в России?
- Какие пространства наиболее опасны для тех или иных групп населения с точки зрения вероятности стать жертвой тяжкого насилия?

⁶ Приказ Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 565н устанавливает, что врачи обязаны сообщать в полицию практически обо всех травмах. Небольшие травмы полиция может расценить как не связанные с преступлениями, в случае тяжких травм такой исход менее вероятен. Часто говорится о проблеме неопознанных трупов («подснежников» на профессиональном аргю), однако важно понимать — если при обследовании подобного трупа обнаруживаются следы насильственной смерти, такое событие тоже попадает в статистику тяжкого насилия.

⁷ Включены статьи 117 (истязание), 126 (похищение человека) и 127 (незаконное лишение свободы). Специфические статьи, касающиеся, например, сексуального насилия, в обзор не включены.

ДАнные И МЕТОды

Организация работы правоохранительных органов предполагает, что по мере движения уголовного дела заполняются специальные статистические карточки, формы которых устанавливает приказ «О едином учете преступлений» от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. Эти статистические карточки заполняются сотрудниками правоохранительных органов, визируются прокурором и передаются в информационные центры территориальных органов МВД, где переводятся в электронный вид и в такой форме направляются в Главный информационно-аналитический центр МВД России. Информация, содержащаяся в карточках, весьма подробна и, несмотря на некоторые возможные дефекты заполнения, с определенной вероятностью достоверна – так как в ходе полевых исследований⁸ не было установлено причин, по которым сотрудники правоохранительных органов станут фальсифицировать большинство именно социально-демографических параметров. (Однако эти параметры могут искажаться в ходе манипуляций самими данными о преступлении⁹. Так, преступление против несовершеннолетнего может оказаться частью отчетности по этой категории – и поэтому у следователя есть стимулы, по возможности, квалифицировать его как менее тяжкое.) Таким образом, мы говорим не о полностью объективной картине преступности, а о той, которая видна правоохранительным органам. При этом все же возможности и стимулы для фальсификации не столь масштабны, чтобы полностью игнорировать эти данные.

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге имеет в своем распоряжении информационно-аналитический массив, агрегирующий данные из таких карточек для всей России за 2013–2014 годы. Отдельные регионы имеют небольшие дефекты заполнения (для трех регионов представлены данные только за один год из двух). Однако это не отменяет того, что перед нами вся вселенная данных об официально зарегистрированных преступлениях в России за названный период¹⁰.

Массив насчитывает 5 561,7 тысячи наблюдений, в том числе 4 918,7 тысячи – это сведения, агрегирующие данные из «основных» карточек формы 1.1 (то есть тех, что содержат данные о событии преступления). Остальные – корректирующие и дополняющие. Мы опираемся только на данные, агрегированные в информационно-аналитическом массиве из основных карточек. Что касается анализируемой совокупности, то мы видим расхождение по количеству преступлений между таблицей 1 и официальными данными сайта <http://crimestat.ru> – официального сайта, на котором уполномоченный орган (Генеральная прокуратура) размещает статистическую информацию о преступности. В наших данных зарегистрированных убийств (преступлений по всем составам ст. 105 УК РФ) больше примерно на 5 тыс., а преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, больше примерно на 10 тыс. Это объясняется последующими изменениями в квалификации и двойным учетом, возникающим при межведомственной передаче дел. Однако для целей данного анализа это несущественно, так как не должно возникать существенных искажений для отдельных групп (например, нет оснований полагать, что преступле-

⁸ Подробнее см.: Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб.: ЕУ СПб, 2018.

⁹ Шклярчук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования: исследовательский отчет. СПб.: ИПП ЕУ СПб; М.: Норма, 2015.

¹⁰ Подробнее см.: Кнорре А., Скугаревский Д. Как МВД и ФСКН борются с наркотиками: сравнительный анализ результативности двух ведомств: аналитическая записка / под ред. М. Шклярчук. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2015. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»); Четверикова И. Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам // Экономическая социология, 2018. Т. 19. № 2. С. 12–49.

ния против мужчин будут становиться объектом двойного учета или переквалификации чаще, чем преступления против женщин, в статистически значимых объемах).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЖЕРТВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Первым и очевидным вопросом является половозрастная структура жертв (таблица 2). Последние два столбца таблицы показывают, во сколько раз (для мужчин и женщин в отдельности) различаются доли соответствующей половозрастной группы в населении в целом и в совокупности жертв. Так, соотношение 1 к 0,33 показывает, что доля этой группы среди жертв в три раза меньше, чем в населении, а соотношение 1 к 2,79 – что доля этой группы среди жертв почти в три раза больше, чем в населении. Таким образом, мы можем увидеть неравномерность официально зафиксированной виктимности по демографическим группам. Если бы у всех групп были равные шансы стать жертвой, то все значения в последних колонках выглядели бы как 1 к 1.

Таблица 2. Половозрастная структура населения и жертв тяжкого насилия (N¹¹ = 83 866)

Возраст, лет	Население		Жертвы		Соотношение	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До года	0,7%	0,6%	0,2%	0,1%	1 к 0,33	1 к 0,20
1–13	7,2%	6,9%	0,8%	0,5%	1 к 0,11	1 к 0,07
14–15	0,9%	0,9%	0,3%	0,2%	1 к 0,35	1 к 0,23
16–17	0,9%	0,9%	0,8%	0,3%	1 к 0,83	1 к 0,34
18–24	4,6%	4,4%	7,4%	1,2%	1 к 1,60	1 к 0,27
25–29	4,4%	4,3%	11,5%	2,0%	1 к 2,61	1 к 0,46
30–49	14,0%	14,7%	39,8%	9,1%	1 к 2,84	1 к 0,62
50–54	3,6%	4,2%	6,6%	1,6%	1 к 1,85	1 к 0,39
55–59	3,2%	4,2%	4,8%	1,3%	1 к 1,47	1 к 0,31
60 и старше	6,7%	12,6%	8,0%	3,5%	1 к 1,19	1 к 0,28
Всего	46,3%	53,7%	79,2%	20,8%	1 к 1,17	1 к 0,39

Примечания: 1 – разделение именно на такие возрастные категории определено системой учета в правоохранительных органах, а не введено автором; 2 – количество наблюдений меньше 110 тысяч, так как поле «Возраст» в информационно-аналитическом массиве заполнено не всегда, однако доля женщин при расчете на всех данных не меняется и составляет 20,8%; 3 – численность населения рассчитана на основании данных Росстата (Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 года : статистический бюллетень. М. : Росстат, 2014); 4 – данные о жертвах представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

Как видно из таблицы 2, наибольшие риски стать жертвой преступлений имеют мужчины 30–49 лет. После этого виктимность постепенно падает до конца жизни, до этого (начиная с детства) – растет. Пик на возрасте до года (вероятность стать жертвой тяжкого насильственного преступления у детей до года в три раза выше, чем у детей от года до

¹¹ Здесь и далее N в заголовке обозначает количество наблюдений (жертв), для которых имеются данные и по которым сделан расчет.

13 лет) объясняется большей уязвимостью детей во младенческом возрасте. Женщины в целом гораздо менее виктимны в части тяжких насильственных преступлений¹². Общая картина у женщин совпадает с наблюдаемой у мужчин.

Можно было бы предположить: если преступниками чаще оказываются молодые мужчины, они же, в силу социальной близости, чаще оказываются жертвами, особенно когда речь идет о тяжком насилии. Однако эта гипотеза не подтверждается. Среди жертв, действительно, гораздо больше мужчин, но стать жертвой насильственного преступления вероятнее всего для людей средних лет. Безусловно, относительно молодые жертвы могут меньше обращаться в полицию, но почти двукратная разница вряд ли может быть объяснена только этим фактором.

Другой важной характеристикой виктимности является гражданство жертв. Из таблицы 3 следует, что граждане иностранных государств существенно меньше представлены среди зарегистрированных жертв преступлений. Это ожидаемая ситуация¹³ – мигранты оказываются специфически дискриминированы в вопросах обращения в правоохранительные органы. Российская полиция¹⁴ склонна рассматривать мигранта, обратившегося в полицию в качестве жертвы, как преступника. Мигранты это знают и предпочитают не обращаться в полицию, если есть хоть какая-то возможность этого не делать.

Таблица 3. Гражданство жертв тяжких насильственных преступлений (N = 102 329)

Гражданство	Население	Жертвы	Соотношение
Россия	92,0%	95,9%	1 к 1,04
Иное	8,0%	4,1%	1 к 0,51

Примечания: 1 – доля мигрантов в населении представлена по данным ФМС на 11 ноября 2014 года; 2 – данные о жертвах представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

Вопреки распространенному мнению, с точки зрения тяжкого насилия большие города отнюдь не оказываются наиболее опасными местами (таблица 4). В сельской местности обнаруживается бóльшая доля жертв по отношению к численности населения.

При этом понятно, что численность сельского населения, как правило, оказывается завышенной в официальной статистике из-за неучтенного оттока сельского населения в города на временную или постоянную работу. В результате мы имеем консервативную оценку, то есть реальный подушевой уровень преступности на селе, выше, чем наблюдаемый в наших данных. Интересно при этом, что преступлений с жертвами (то есть все насилие плюс имущественные преступления) в деревне ощутимо меньше – 21,7%. Скорее всего, это связано с меньшей доступностью полицейской помощи. В случае же с насилием роль будет играть также меньшая доступность медицинской помощи – ведь медицинские уч-

¹² Подробнее о женской преступности и, частично, виктимности см.: Кнорре А., Кудрявцев В. Гендер, тюрьма, преступность: сохраняется ли гендерная диспропорция в совершении преступлений в российских тюрьмах? // Журнал исследований социальной политики, 2019 (в печати).

¹³ Ср.: Messing J. T., Becerra D., Ward-Lasher A., Androff D. K. Latinas' perceptions of law enforcement: fear of deportation, crime reporting, and trust in the system // Journal of Women and Social Work, 2015, vol. 30(3), p. 328–340; Makkai T., Taylor N. Immigrants as victims of crime: the Australian experience // Immigration, Crime and Justice. Emerald Group Publishing Limited, 2009, p. 95–105; Fussell E. The deportation threat dynamic and victimization of latino migrants: wage theft and robbery // The Sociological Quarterly, 2011, 52, vol. 4, p. 593–615.

¹⁴ Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. Воронкова В., Гладарева Б. и Сагитовой Л. СПб. : Алетейя, 2011.

реждения, как мы уже говорили, играют ощутимую роль в регистрации насильственных преступлений. Можно выдвинуть различные гипотезы, объясняющие этот факт, но существующие данные не позволяют их статистически проверить¹⁵.

Таблица 4. Структура жертв по типу поселения (N = 110 530)

Тип поселения	Население	Жертвы	Соотношение
Региональная столица	38,2%	31,1%	1 к 0,81
Другой город	36,0%	39,7%	1 к 1,10
Село	25,8%	29,2%	1 к 1,13

Примечания: 1 – разделение именно на такие категории определено системой учета в правоохранительных органах, а не введено автором; 2 – численность населения рассчитана на основании данных Росстата (Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 года. : статистический бюллетень. М. : Росстат, 2014); 3 – данные о жертвах представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

Насильственная преступность очень социально укоренена (таблица 5). Вероятность стать жертвой среднего официально зарегистрированного преступления у представителей разных социальных групп примерно соответствует представленности этой группы в населении. Для насилия все не так. Это преступность, тяготеющая к наименее социально защищенным социальным слоям. Так, безработные становятся официально признанными жертвами в 17 раз чаще, чем в среднем, а бюджетные работники – в 50 раз реже.

Таблица 5. Социальная структура преступников и жертв тяжкого насилия

Группа	Население	Жертвы (N=107 809)	Преступники ¹⁶ (N=72 722)	Соотношение, жертвы	Соотношение, преступники
Безработный	3,6%	66,1%	68,7%	1 к 18,4	1 к 19,1
Рабочий	17,2%	18,2%	20,2%	1 к 1,06	1 к 1,17
Служащий	13,7%	1,2%	0,8%	1 к 0,09	1 к 0,06
Руководитель	2,5%	0,2%	0,2%	1 к 0,08	1 к 0,08
Предприниматель	1,7%	1,0%	0,9%	1 к 0,59	1 к 0,53
Бюджетный работник	9,6%	0,2%	0,1%	1 к 0,02	1 к 0,01
Чиновник	1,5%	0,1%	0,0%	1 к 0,07	–
Сотрудник правоохранительных органов	1,0%	0,3%	0,2%	1 к 0,3	1 к 0,2

¹⁵ Подробнее см: Knorre A., Kudryavtsev V. Homicide rate and rurality: evidence from Russia : presentation at Stockholm criminology symposium. June 10–12, 2019.

¹⁶ В аналитическом массиве используется определение «лицо, совершившее преступление». Теоретически, если человек был оправдан, то данные должны быть удалены из статистического массива, поэтому здесь и далее используется обозначение «преступник», так как формально это лица, которых преступниками признал суд.

Группа	Население	Жертвы (N=107 809)	Преступники ¹⁶ (N=72 722)	Соотноше- ние, жертвы	Соотноше- ние, пре- ступники
Студент / школьник	24,4%	2,5%	2,2%	1 к 0,1	1 к 0,09
Получатель социального пособия	3,1%	2,4%	2,3%	1 к 0,77	1 к 0,74
Пенсионер	15,1%	7,6%	4,3%	1 к 0,50	1 к 0,29
Другое	6,6%	0,2%	0,1%	–	–

Примечания: 1 – описание методики расчета численности групп для населения дано в Приложении; 2 – социальные характеристики преступника указаны только для преступлений, где был найден виновный; 3 – данные о жертвах и преступниках представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

В целом мы видим вполне ожидаемую картину – чем ниже социальный статус, тем выше вероятность стать жертвой преступления. При этом важно понимать, что в реальности ситуация, по всей вероятности, еще хуже, так как представители социально менее защищенных слоев имеют меньшие возможности для мобилизации права – они реже обращаются в полицию и им реже удается добиться возбуждения уголовного дела.

Однако есть две группы, которые выбиваются из этого ряда, – это предприниматели и сотрудники правоохранительных органов. Для них вероятность стать и жертвой, и преступником существенно выше, чем для представителей других немаргинальных слоев населения. (Напомним, что в нашем определении тяжких насильственных преступлений мы исключили составы преступлений, которые связаны с насилием против сотрудников правоохранительных органов, так как по природе своей они являются посягательством не столько на жизнь и здоровье, сколько на определенный государственный институт. Таким образом, мы исключили ситуации, когда сотрудник правоохранительных органов сталкивается с насилием в ходе профессиональной деятельности.) Вероятно, тот факт, что сотрудники правоохранительных органов чаще оказываются жертвами, связан с большей легкостью мобилизации права для сотрудников правоохранительных органов – они с большей вероятностью обратятся в полицию и добьются регистрации совершенных против них преступлений. Что касается их большей вероятности стать преступниками, то здесь речь, возможно, идет о квалификации должностных преступлений (пытки, насилие в ходе профессиональной деятельности) как общеуголовных. Так же, вероятно, объясняется и заметная доля предпринимателей среди преступников – то есть как бытовые насильственные конфликты квалифицируется использование насилия, связанное с профессиональной деятельностью. Не исключено при этом, что предприниматели и их контрагенты более подкованы в правовом смысле и чаще склонны переводить конфликты, связанные с насилием, в правовую плоскость.

Структура преступников по социальному статусу такая же, как и жертв. Насилие совершается преимущественно безработными и рабочими. Почти половина (48,9%) из раскрытых (таких, где был установлено лицо, совершившее преступление) насильственных преступлений совершались безработными в отношении безработных. Доля этой социальной группы в населении составляет, напомним, 3,6% (при этом речь идет не только об официально зарегистрированных безработных, но и о безработных, подсчитанных по методике Международной организации труда, – то есть о трудоспособных, которые не работают, но теоретически готовы приступить к работе и прилагали усилия к ее поиску в течение последнего полугодия). В среде низкоквалифицированного труда (когда и преступник, и жертва безработные или занимаются физическим трудом) совершается 77,5% всех раскрытых насильственных преступлений. Что касается подозреваемых, дела кото-

рых переданы в суд¹⁷, то там наблюдается почти на 10 подпунктов меньшее количество безработных. Причины такого сокращения заслуживают отдельного исследования.

Локализация насилия в определенных социальных средах имеет ряд последствий. С одной стороны, бо́льшая часть населения живет в относительно безопасной среде и имеет очень небольшие шансы столкнуться с насильственными преступлениями. С другой стороны, именно такая социальная локализация тяжкого насилия делает очень проблемной борьбу с криминальным насилием. Здесь нужно ставить вопрос о борьбе с бедностью, нехваткой жилой площади, чрезмерным употреблением алкоголя¹⁸ и с другими социальными проблемами, а не о контроле над преступностью как таковой. Одновременно это позволяет правоохранительным органам пренебрегать превенцией, так как преступность в этой среде рассматривается как неизбежная.

МЕСТО И ВРЕМЯ ВИКТИМИЗАЦИИ

Важной характеристикой виктимизации являются ее пространственно-временные характеристики. В России бо́льшая часть тяжкого насилия (88,6%) происходит дома: в жилых помещениях или в непосредственной близости от жилья. При этом женщины становятся жертвами именно в домах и подъездах еще чаще – в 90,3% случаев. Предсказуемым образом виктимизация в жилье падает для молодежи (минимум для возраста 16–17 лет – 68,9%) и потом растет, достигая 88,7% к пенсионному возрасту.

Таблица 6. Место совершения преступления (N = 73 062)

Место	Доля
Жилые помещения	83,5%
Подъезды, лифты и т. п.	5,1%
Организации	4,4%
Общественные места	4,7%
Полицейские отделы, тюрьмы и т. д.	0,4%
Транспорт	1,2%
Прочее	0,7%

Примечания: 1 – категория «Транспорт» включает в себя как транспортные средства, так и транспортные узлы (вокзалы, остановки и т. п.); 2 – данные о жертвах представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

¹⁷ Volkov V. Legal and extralegal origins of sentencing disparities: evidence from Russia's criminal courts // Journal of Empirical Legal Studies, 2016, 13 (4). P. 637–665.

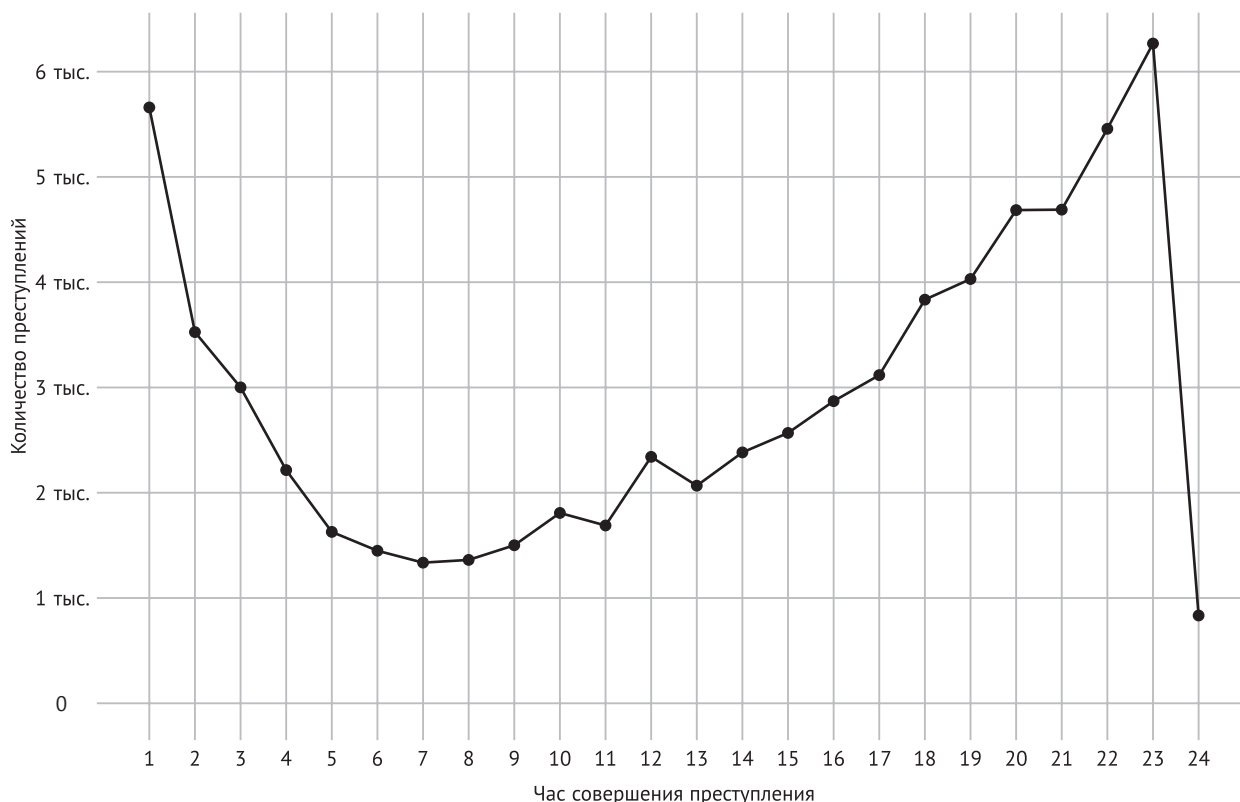
¹⁸ При этом алкоголь в литературе рассматривается обычно как фасилитатор насилия, а не как его причина (например, Brookman F. Understanding homicide. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2005. P. 70). Заметим, что из потерпевших почти 16% были в состоянии алкогольного опьянения (из преступников – более 70%). Что удивительно, опьянение указано как признак потерпевшего практически с равной вероятностью для мужчин и женщин. Однако эти данные в отношении потерпевших не следует считать надежными. Если информация об опьянении преступника является важной для принятия судебного решения, потому качество ее контролируется, то информация о состоянии потерпевшего существенно менее важна и контролируется слабее.

Это хорошо коррелирует с названной выше социальной изолированностью насильственных преступлений. Типовое насильственное преступление – не нападение на обычного гражданина на улице, а бытовой конфликт в доме. Можно предположить, что это конфликты между знакомыми, но качество данных не позволяет быть уверенным в этом: для 73,9% преступлений указано, что преступник был незнаком жертве. Однако это не может быть истиной, поскольку в противном случае нам нужно вообразить, что на граждан в их жилье регулярно нападают внезапно проникшие незнакомцы. Скорее всего, при заполнении этого реквизита отмечаются только близкие родственные связи жертвы и преступника. Так, на долю ближайших родственников приходится 11,2% преступлений.

При этом чем ниже социальный статус и мобильность, тем выше вероятность того, что человек будет жертвой преступления именно в жилом помещении. У пенсионеров это 93,8%, у получателей социальных пособий – 89,4%, у безработных – 85,6%; в то же время у руководителей – 37,1%, предпринимателей – 51,6%, у сотрудников правоохранительных органов – 54,3%.

Этот же тренд подтверждает и распределение преступлений по времени (см. рисунок 1). Мы видим, что количество преступлений растет к полуночи и постепенно падает к 07:00. Снижение в 00:00 и небольшой рост в 12:00 объясняются, скорее всего, дефектами заполнения карточек (время после полуночи могут указать и как 24:30, и как 12:30).

Рисунок 1. Количество преступлений по часам (N = 70 317)

Примечания: 1 – вариант «0 часов» по непонятной причине не используется; 2 – данные о жертвах представлены на основании форм 1, 1.1, 3 и 5 информационно-аналитического массива за 2013–2014 годы (подробнее см. раздел «Данные и методы»).

Наблюдаемая картина еще раз подтверждает, что насильственная преступность в России – это преступность бытовая. Это преступления, совершаемые дома; 59,7% преступлений совершаются с 18:00 до 03:59.

ПРИЛОЖЕНИЕ. МЕТОДИКА РАСЧЕТА ДОЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГРУПП В НАСЕЛЕНИИ

Таблица 9. Первичные данные о социальном статусе и их источники

	<i>Население старше 18 лет, 2014 г.</i>	<i>Население, 2014 г.</i>
Безработные ⁱ	4,5% ⁱⁱ	3,6%
Рабочие ⁱⁱⁱ	21,8%	17,2%
Офисные служащие (включая бюджетников, чиновников и сотрудников правоохранительных органов) ^{iv}	32,9%	25,9%
Руководители* (в том числе предприниматели и руководители органов государственной власти и муниципальных учреждений) ^{vi}	5,4% (в т. ч. 135,3 ^{vii} тыс. чиновников-руководителей)	4,2%
Предприниматели ^{viii}	2,1%	1,7%
Бюджетные работники ^{ix}	12,3% (в т. ч. 8,7% руководителей ^x)	9,6% (8,7% руководителей)
Чиновники ^{xi}	1,9%	1,5%
Сотрудники правоохранительных органов ^{xii}	1,3%	1,0%
Студенты и школьники ^{xiii}	7,0%	16,1% ^{xiv}
Получатели социальных пособий ^{xv}	3,9%	3,1%
Неработающие пенсионеры ^{xvi}	19,1%	15,1%
Дети до 7 лет ^{xvii}	—	8,3% ^{xviii}
Другие ^{xix}	5,4%	6,6%
Всего	115 046 100 ^{xx}	146 267 300 ^{xxi}

Таким образом, если сделать эти группы непересекающимися, мы получим следующее распределение.

Таблица 10. Расчет численности групп

<i>Категория</i>	<i>Население старше 18</i>	<i>Население</i>
Безработные	4,5%	3,6%
Рабочие	21,8%	17,2%
Офисные служащие (исключая бюджетников, чиновников и сотрудников правоохранительных органов)	17,5% ^{xxii}	13,7%
Руководители (но не предприниматели и руководители в органах государственной власти)	3,2% ^{xxiii}	2,5%
Предприниматели	2,1%	1,7%
Бюджетные работники	12,3%	9,6%
Чиновники	1,9%	1,5%
Сотрудники правоохранительных органов	1,3%	1,0%
Студенты и школьники	7,0%	16,1%
Неработающие получатели социальных пособий	3,9%	3,1%
Неработающие пенсионеры	19,1%	15,1%
Дети до 7 лет	—	8,3%
Другие	5,4%	6,6%

Примечания

- ⁱ Росстат дает численность безработных и неработающих, которые являются потенциальной рабочей силой, в 5 227 тыс. человек в 2014 г. (Таб. 1.59. Численность безработных по возрастным группам // Труд и занятость в России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С. 76; Таб. 1.7. Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы, в возрасте 15–72 лет // Там же. С. 25). В эти категории входят все, кто искал работу или был трудоспособен: «К безработным, применительно к определениям Международной Организации Труда (МОТ), относятся лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы (доходного занятия); занимались поиском работы, т.е. обращались в государственную или коммерческую службу занятости, использовали или помещали объявления в СМИ, Интернет, непосредственно обращались к администрации предприятия или работодателю, использовали личные связи и т.д. или предпринимали шаги к организации собственного дела; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели. Обучающиеся в общеобразовательных организациях, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они не имеют работы, занимаются поиском работы и готовы приступить к ней. Потенциальная рабочая сила – незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе» (Там же. С. 18).
- ⁱⁱ Все безработные и занятые учтены как лица старше 18 лет, поскольку доля категории 15–19-летних в структуре безработицы (0,7%) пренебрежимо мала.
- ⁱⁱⁱ Категории «Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр» (9 376 тыс.), «Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин» (8 736 тыс.) и «Неквалифицированные рабочие» (6 996 тыс.), в сумме 25 108 тыс. человек. (Таб. 1.47. Численность занятых в экономике по группам занятий // Там же. С. 61).
- ^{iv} Категории «Специалисты высшего уровня квалификации» (14 534 тыс.), «Специалисты среднего уровня квалификации» (10 899 тыс.), «Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием» (2 048 тыс.) и «Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности» (10 395 тыс.), в сумме 37 876 тыс. чел. (Там же. С. 60).

- v Категория «Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций» — 6 201 тыс. чел. (Там же. С. 60).
- vi Данные официальной статистики указывают всех занятых на руководящих постах работников, без разделения по категориям.
- vii Рассчитано пропорционально доле руководителей в работающем населении.
- viii Фактически действующих предпринимателей на 2014 год — 2 413,8 тыс. (Таб. 3.2. Численность занятых в сфере индивидуального предпринимательства по видам экономической деятельности // Малое и среднее предпринимательство в России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С. 84).
- ix 14 102,3 тыс. чел. (Таб. 4.9. Численность работников бюджетных учреждений по видам экономической деятельности и формам собственности // Труд и занятость в России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С.138).
- x Оценка на основании доли руководителей (6 201 тыс.) в структуре рабочей силы (71 539 тыс.).
- xi 2 211,9 тыс. чел. (Таб. 4.1. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации по ветвям власти и уровням управления // Там же. С. 128).
- xii Рассчитывается на основе штатной численности: МВД (Указ Президента № 300 от 05.05.2014) — 894,9 тыс., СК (Указ Президента № 38 от 14.01.2011) — 21,1 тыс., ФСИН (Указ Президента № 363 от 20.04.2013) — 225,3 тыс., Росгвардии (по данным «РИА Новости» от 3 февраля 2017 года, URL: https://ria.ru/defense_safety/20170203/1487134178.html, другой информации получить не удалось) — 340 тыс. Итого: 1 481,3 тыс. чел.
- xiii Студенты программ, не имеющие отношения к среднему общему образованию по возрасту (Таб. 7.1. Подготовка специалистов среднего звена профессиональными образовательными организациями // Труд и занятость в России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С. 203). Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих — 727 тыс., по программам подготовки специалистов среднего звена — 2 103 тыс., по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры — 5 209 тыс. Итого: 8 039 тыс. чел.
- xiv Все дети и подростки школьного возраста («7–17») включены в эту категорию — 15 559 373 чел. (Таб. 1.2.2. Численность населения Российской Федерации по полу и отдельным возрастным группам в среднем за 2014 г. // Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 года : статистический бюллетень. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_111/Main.htm).
- xv Все пенсионеры (41 456 тыс.) за вычетом пенсионеров по старости (34 422 тыс.), данные на 2014 год. Всего — 7 034 тыс. чел. (Таб. 6.12. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров // Российский статистический ежегодник. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С. 151). Несовершеннолетние пенсионеры не могут быть выделены отдельно. Идет двойной учет. С учетом доли работающих пенсионеров — 14 917 тыс. — 36% в расчете используется цифра 4 513 тыс. чел.
- xvi Пенсионеры по старости (Там же. С. 151). Всего — 34 422 тыс. чел. С учетом доли работающих пенсионеров — 36% — в расчете используется цифра 22 030,08 тыс. чел.
- xvii Далее включены в число студентов.
- xviii 12 139 991 — сумма категорий «1–6» и «7» (Таб. 1.2.2. Численность населения Российской Федерации по полу и отдельным возрастным группам в среднем за 2014 г. // Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 года : статистический бюллетень. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_111/Main.htm).
- xix Категория вычисляется как дельта определенных и всего остального населения при условии отсутствия пересечений последних. Расчеты по таблице ниже (100% — сумма по столбцам).
- xx «Население старше 18» — это общее кол-во населения по состоянию на 2014 год за вычетом категорий «младше 15» и «15–19», итого: 115 046,1 тыс. чел. (Таб. 1.5. Распределение численности населения по полу и возрастным группам // Труд и занятость в России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат. 2015. С. 21).
- xxi Там же. С. 21.
- xxii Рассчитывалась как: 37 876 тыс. (см. ссылку iv) — 14 102,3 тыс. чел. (см. ссылку ix) — 2 211,9 тыс. чел. (см. ссылку xi) — 1 481,3 тыс. чел. (см. ссылку xii) = 20 080,5 тыс. чел.
- xxiii Рассчитывалась как: 6 201 тыс. чел. (см. ссылку vi) — 2 413,8 тыс. чел. (см. ссылку viii) — 135,3 тыс. чел. = 3 651,9 тыс. чел.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков <i>научный руководитель</i>	доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), Ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)
Кирилл Титаев <i>директор по исследованиям</i>	кандидат социологических наук, специалист по эмпирическим исследованиям права и правоприменения, ассоциированный профессор по социологии права им. С. А. Муромцева
Арина Дмитриева	социолог, экономист, специалист по экономическому анализу права
Мария Шклярчук	юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению
Дмитрий Скугаревский	PhD (The Graduate Institute of International and Development Studies), ассоциированный профессор ПАО «МТС» по эмпирико-правовым исследованиям, экономист, специалист по Law & Economics, судебной статистике, микроэконометрике, Big Data
Екатерина Ходжаева	кандидат социологических наук, специалист по исследованиям юридической профессии, полиции, судов присяжных
Ирина Четверикова	юрист, социолог, специалист по судебной статистике и криминологии
Екатерина Моисеева	кандидат социологических наук, специалист по социологическому анализу рынков и социологии профессий
Тимур Бочаров	юрист, социолог, специалист по гражданскому и арбитражному процессу
Алексей Кнорре	социолог, программист
Владимир Кудрявцев	политолог, специалист по уголовной политике
Денис Савельев	кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам
Дарья Кузнецова	юрист, специалист в антимонопольном праве и концессионных соглашениях
Руслан Кучаков	экономист, политолог, специалист по контрольно-надзорной деятельности
Ксения Рунова	социолог, специалист по пенитенциарной системе
Анна Булина	экономист

Административный директор – **Мария Батыгина** Администратор – **Светлана Кожуханова**

Наши книги

- *Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук.* Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. – 476 с.
- *Т. Бочаров, Е. Моисеева.* Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. – 278 с.
- *К. Титаев, М. Шклярчук.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. – 192 с.
- *В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев.* Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. – 272 с.
- *Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции.* М., 2015. – 320 с.
- *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов.* М., 2014. – 568 с.
- *По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России.* М., 2014. – 331 с.
- *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права.* М., 2012. – 368 с.
- *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования.* М., 2011. – 317 с.

Наши серии

- Аналитические записки по проблемам правоприменения
- Аналитические обзоры по проблемам правоприменения
- Препринты сотрудников ИПП

Все материалы сотрудников ИПП
Вы всегда можете найти на сайте
www.enforce.spb.ru

